

сказать практически о каждом десятом оттиске газеты). Но самый трудный вопрос для многих исследователей — наличие в годовых комплектах «Реляций»: 36 из них пронумерованы вперемежку с «Ведомостями» и считаются, естественно, выпусками газеты, хотя иногда имеют отличный от них формат, а около двух десятков «Реляций» не имеют порядковых номеров (такой выпуск может ничем не отличаться, кроме заглавия, от остальных, но по дате публикации занимать промежуточное положение, например между № 24 и № 25 «Ведомостей» за 1725 г.).⁴

Данный ряд можно продолжить примерами менее значительными, но входящими в эту же «систему непостоянства», которая вызывает разногласия при оценке качества «Ведомостей» как газеты. Именно эта сложность первенца русской периодики, его «неправильность», непохожесть ни на одну отдельно взятую европейскую газету того времени, заставляет историков печати обходиться только общими фразами и кочующими цитатами. Здесь же коренится объяснение и того факта, что до сих пор система жанров петровского издания не до конца изучена и уточнена, авторы публикаций пользуются каждой своей терминологией или же ограничиваются двумя-тремя названиями жанров.

Таким образом, внешняя гетерогенность газеты привела к тому, что в достаточной степени разработан только тезис об исторической обусловленности возникновения в России печатного периодического органа. Собственно, единственным выводом новейших историков печати, видимо, следует считать формулировку П. Н. Беркова: «Нельзя забывать, что „Ведомости“ < . . . > не могут быть сравниваемы с более поздними органами прессы». ⁵ Как мы видели, их нелегко сравнивать и с европейской периодикой первой трети XVIII в. Поэтому и остался в тени вопрос: *какой* именно газетой были «Ведомости» и самое главное — *почему* именно такой газетой?

Несмотря на упомянутое замечание П. Н. Беркова, современные публикации по данной тематике содержат известную долю модернизации, поскольку почти все авторы пишут о «Ведомостях» с современных позиций (о жанрах, сотрудниках редакции, читателях). Нынешние понятия «накладываются» на XVIII в.: то, что подходит под этот трафарет, характеризуется как положительное в «Ведомостях», а то, что не подходит, трактуется упрощенно, без детального анализа.

При восприятии отдаленного от нас временной или эстетической дистанцией произведения «всегда известную трудность представляет начальный момент этого восприятия, когда воспринимающий должен найти к нему „стилистический ключ“». ⁶ Если

⁴ В учетных книгах Московской и Петербургской типографий напечатанные «Ведомости» и «Реляции» указываются то порознь, то вместе.

⁵ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. С. 51.

⁶ Лихачев Д. С. Система стилевых взаимоотношений в истории европейского искусства и место в ней русского XVIII века // XVIII век. Л., 1975. Сб. 10. С. 7.